

«Продажны все!» Коррупционный скандал в руководстве Санкт-Петербургской полиции

И. В. Говоров

Сегодня, когда деятельность МВД подвергается жесточайшей критике и ставится вопрос о ее кардинальной реформе, одной из причин плохой работы милиции называют коррупцию, поразившую практически все ее структурные подразделения. В этой ситуации небезынтересно проанализировать, в какой степени проблема коррупции являлась традиционной для правоохранительных органов России и как она влияла на их деятельность. В последние годы в различных журналах появился ряд статей по этой тематике¹. Однако многие из страниц истории этой проблемы еще не нашли своего освещения. Одной из них – проблеме коррупции в Санкт-Петербургской столичной полиции начала XX века и посвящена статья.

Продажность стала неотъемлемой особенностью столичной полиции, пожалуй, с момента ее создания. Более того, до середины XIX века выплаты от населения составляли легальную дополнительную часть полицейского жалования. Существовала вековая традиция, по которой на каждый праздник полицейский получал денежное подношение (так называемые «праздничные деньги») от жителей своего участка. Этот обычай вел свою историю еще с допетровской Руси, когда подношения чиновникам со стороны населения были составной частью их жалования. Тогда под термином «взятка» (который, по мнению части исследователей, происходил от названия сбора, который пчела уносит с цветка)² понимались как подношения, провоцировавшие чиновников на нарушение закона («посул»), так и законные подношения («почесть») способствовавшие

быстрому и благожелательному рассмотрению дела в рамках закона и обычая³. Наследником таких «почестей» и стали «праздничные деньги» полицейским. Этот обычай настолько укоренился в обществе, что, по слухам, даже император Николай I посылал праздничные 100 рублей тому квартальному надзирателю, на участке которого располагался Зимний дворец⁴.

Первым, кто попытался бороться с этой практикой в столице, был обер-полицмейстер и первый градоначальник Петербурга Федор Федорович Трепов. Хотя и сам Трепов имел неоднозначную репутацию (в обществе и при дворе ходили упорные слухи о, говоря современным языком, «откатах», получаемых градоначальником от коммерческих фирм за заказы на городское обустройство⁵), он был твердо намерен покончить с практикой неофициальных выплат своим подчиненным. В 1866 году был издан грозный приказ, запретивший чинам полиции под угрозой увольнения и уголовного наказания получать какие-либо подношения от частных лиц. Та мера была дополнена заметным увеличением денежного жалования полицейских (более чем в 10 раз)⁶, что должно было по мысли Трепова полностью устранить взяточничество в полицейской среде. Однако мера дала обратный эффект. По признанию самого Трепова, продажность полиции не только не сократилась, но и выросла. Вот как он сам оценил результат своей реформы: «Теперь, пишут мне, стало хуже, чем прежде; прежде знали квартального и пристава и несли им, а теперь и околоточному подай, и помощнику пристава подай!»⁷. Разрушение

традиции «праздничных денег» (которая точно обуславливала кому, сколько, в каких случаях и когда давать и брать) привело к тому, что в полиции расцвели массовые поборы с населения. В 1874 году Трепов, уже не упоминая о «праздничных деньгах», требовал от своих подчиненных хотя бы прекратить практику откровенных вымогательств⁸.

Одной из причин таких печальных результатов реформы стала как психология полицейских, считавших дополнительное вознаграждение с населения нормальной благодарностью за свою работу, так и психология общества. Большинство городских обывателей, и при том не только рядовых граждан, считало подношение полицейским столь же обычным делом, как и чаевые официантам. В воспоминаниях бывшего петербургского полицмейстера Ф. Ф. Дубисса-Крачака приводится интересный факт, свидетельствующий об отношении городской верхушки к проблеме мзды полицейским. Когда один из участковых приставов отказался принять от придворного сановника, владеющего домами на его участке, праздничные, ссылаясь на указание градоначальника, домовладелец-генерал отреагировал весьма бурно: «Что ваш Трепов! Какое он имеет право распоряжаться моим имуществом! Я прошу вас принять от меня подарок, и притом за все время, которые вы состоите в этом участке приставом»⁹.

К началу XX века положение в полицейском управлении Санкт-Петербурга не только не улучшилось, но и еще больше ухудшилось. Ситуация в стране очень напоминала ту, что мы наблюдали в последние двадцать лет. Из воздуха

возникали огромные состояния, в коммерческом секторе и сфере услуг вращались огромные деньги, получить «долю малую» от которых стремились и многие правоохранители. Санкт-Петербургские обыватели начала прошлого столетия были уверены в тотальной продажности в полиции. Вот какого мнения придерживались современники о степени честности петербургских полицейских: «Полицейские чины были взяточники... за взятку можно было замазать всякое правонарушение и даже преступление»; «Полиция не пользовалась в народе уважением, ее не почитали и попросту презирали...простой люд видел в них грубых насильников. Они могли ни за что посадить в кутузку, заехать в зубы, наложить штраф, чинить препятствия...»; «Неопытные люди диву даются: чины полиции содержание получают не ахти какое, а живут отлично, одеты всегда с иголочки. Пристава – это уже полубоги; вид у них по меньшей мере фельдмаршальский, а апломба, красоты в жестах!.. Гоголевские именины в день своего ангела и на Онуфрия еще во всей силе... Портные, переплетчики, сапожники – все цехи работают даром на полицию: это уже всероссийский закон – его же не перейдешь»; «По праздникам взятки носили почти узаконенный характер. Считалось обязательным, чтобы домовладельцы, торговцы, предприниматели посылали всем начальствующим в полицейском участке к Новому году и прочим большим праздникам поздравления с «вложением». Околоточным, квартальным и городовым «поздравления» вручались прямо в руки, так как поздравлять они являлись сами. Давать было необходимо, иначе могли замучить домовладельцев штрафами»¹⁰.

Руководство МВД объясняло высокий уровень коррупции среди своих подчиненных их маленькими окладами (городовой в Санкт-Петербурге получал меньше квалифицированного рабочего – около 1 рубля в день), привычными были назначения на командные чины в полиции бывших армейских офицеров, уволенных из армии за порочившие честь офицера проступки. Однако была еще одна причина, которую высокопоставленные лица стыдливо замалчивали. Дело

в том, что руководители полицейских управлений (в том числе и Санкт-Петербургского) не только не препятствовали поборам своих подчиненных, но и сами способствовали росту коррупции, поощряя взяточничество в их среде, да и сами не отказывались от незаконных побочных доходов. Правда, если продажность рядовых полицейских была на виду, «грешки» высокопоставленных чинов тщательно скрывались.

Заглянуть «за кулисы» петербургского градоначальства (в функции которого входило руководство городской полицией, надзор за торговлей, почтой, судоходством, состоянием публичных, крепостных, портовых зданий и т. д.) простым жителям Санкт-Петербурга помог скандал, разразившийся в начале 1908 года. Как и во многих коррупционных скандалах, в нем смешались криминал и политика, внутриведомственные интриги и деятельность «четвертой власти». Эта история началась с конфликта между назначенным в январе 1907 года Санкт-Петербургским градоначальником генерал-майором Даниилом Васильевичем Драчевским и руководством «Союза русского народа». В отличие от прошлого градоначальника фон дер Лауница, Драчевский не был склонен поддерживать черносотенцев. Уже во время своей первой встречи с «истинно русскими людьми» Драчевский заявил, что для него равны все подданные империи вне зависимости от национальности и вероисповедания¹¹. Потеряв поддержку градоначальства и преференции в своей деятельности, «Союз» объявил Драчевскому войну. В черносотенной прессе валом пошли статьи с обвинениями в адрес градоначальника и его ближайших помощников. При этом в них наряду с явно абсурдными обвинениями, вроде связей Драчевского с либералами, утверждениями благодаря ему в городской полиции «польско-жидовского» засилья, и даже причастности лиц из его ближайшего окружения к убийству В. Ф. фон дер Лауница, содержались и конкретные факты, компрометирующие высших чинов полиции: связь с заправилами игорного бизнеса, покровительство нелегальным борделям, поборы с подчиненных и т. д.¹² Градоначальнику стало

ясно, что у черносотенцев имелся информированный источник среди его подчиненных, хорошо осведомленный обо всех секретах градоначальства. Поиски «шпиона» продолжались несколько месяцев. В конце концов, подозрения остановились на активном члене «Союза русского народа» коллежском асессоре, делопроизводителе канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника Николае Николаевиче Жеданове. В январе 1908 года Жеданов был уволен со службы в соответствии с пунктом 3 статьи 788 Устава о службе (то есть за неблагонадежность).

Однако Драчевский явно недооценил своего бывшего подчиненного, чувствовавшего за своей спиной поддержку мощной политической организации. Последний направил в Сенат и МВД жалобу, в которой обнажил всю негативную изнанку жизни верхушки столичной полиции¹³.

В жалобе Жеданова описывалась весьма безрадостная картина положения в столичной полиции, где коррупция стала системной. Полицейских вынуждало брать взятки собственное начальство, обложив их регулярными поборами. За деньги назначали на вышестоящие должности, снимали взыскания, закрывали глаза на служебные правонарушения и даже уголовные преступления подчиненных (взятки, растраты, злоупотребления). По оценкам Жеданова, за год от участковых приставов и полицеймейстеров полицейских отделений¹⁴ Драчевский и его помощник по делам наружной полиции генерал-лейтенант Оскар Игнатьевич Вендорф получили взятки на огромную по тем временам сумму – 50 тысяч рублей¹⁵.

Особое внимание уволенный делопроизводитель уделил неслужебным отношениям своих начальников с игорными клубами. Азартные игры стали настоящим бедствием Санкт-Петербурга начала XX века. Официально карточные игры были разрешены только в клубах и только для их членов. Этим воспользовались нечестные на руку дельцы. Начиная с 1905 года в городе было создано более 50 так называемых антрепренерских клубов, а по сути дела – легализированных игорных домов. Такие клубы (Петровский яхт-клуб, Клуб

любителей велосипедного спорта, клуб бесплатной врачебной помощи бездомным, Собрание охотников, Клуб сценической деятельности и т. д.) официально организовывались с просветительской и спортивной целью, на деле в основу их деятельности было положено получение прибыли от карточных игр. Все старейшины и члены клуба были фиктивными, а их реальные владельцы – антрепренеры пускали за небольшую входную плату в клуб для участия в игре всех желающих. Доход таких клубов составлял от 1 до 3 тысяч рублей в день¹⁶.

Новый градоначальник Драчевский объявил войну азарту. При градоначальстве было сформировано Собрание по пресечению азартных игр, которое выработало строгие правила карточной клубной игры. Играть можно было только с 20 часов вечера, исключительно членам клуба и в те игры, которые разрешены градоначальником. Женщинам участие в играх запрещалось¹⁷. Клубы, нарушившие эти правила, подлежали немедленному закрытию.

Однако общественность вскоре убедилась, что борьба с антрепренерскими клубами велась весьма своеобразно. Если одни клубы, практиковавшие карточную игру, немедленно закрывались, другие продолжали спокойно работать, не подвергаясь даже поверхностным полицейским проверкам. Да и закрытые нередко через несколько дней возобновляли свою привычную жизнь. Вот как петербургская пресса того времени оценивала успехи полиции в борьбе с азартными играми: «Игорные клубы новой формации, не смотря на приказы, циркуляры и разъяснения продолжают процветать...»; «Какие-то таинственные силы и очень могущественные пружины волшебным образом превращают все распоряжения о прекращении азарта в “клубах” в водевильный маскарад»; «Азартные игры прекращаются на три дня, а затем возобновляются с большим ожесточением» и т. д.¹⁸ Одна из столичных газет в 1911 году так сформулировала результаты кампании борьбы с азартными играми: «Азарт процветает в Петербурге. Самоубийства, растраты, гибель талантливых людей, разорение от увлечения игрой по-прежнему питают газетную хронику. Не действуют на игроков грозные

примеры, бессильны полицейские меры, не обращают они никакого внимания на нравственное осуждение азарта...»¹⁹.

Жеданов весьма просто объяснял столь скромные результаты усилий полиции. По его словам, будет ли работать тот или иной клуб, зависело от того, какой доход он приносил градоначальнику и его помощникам. Часть клубов, пользовавшихся небескорыстным покровительством высших чинов полиции, (так называемые «градоначальственные») работали спокойно, а их конкуренты подвергались беспощадному преследованию²⁰.

Завершал свое обращение бывший служащий градоначальства признанием: «У многих порядочных чинов Санкт-Петербургской полиции и градоначальства наболело достаточно на душе от необходимости либо содействовать начальникам в преступлениях, или с удалением за нежелание сего от должности терпеть нужду с семьею, но не у всех хватает гражданского мужества, чтобы решиться лучше на увольнение от должности, чем на участие в преступлениях»²¹.

Попытки градоначальника змять скандал успехом не увенчались. Используя свои ресурсы, черносотенцы размножили обращения Жеданова в Сенат и Министерство внутренних дел типографским способом и начали его распространять по городу. Хотя большую часть тиража (120 экземпляров) полиции удалось конфисковать, распространение информации остановить не удалось. В той ситуации у министра внутренних дел П. А. Столыпина не осталось другого выхода, кроме как принять решительные меры. Самым естественным выходом являлось назначение сенатской ревизии, но министр совсем не хотел пускать судебную власть в свою вотчину. К тому же был вполне свеж пример Москвы, где сенатская ревизия в 1907 году привела на скамью подсудимых все руководство московской полиции, включая московского градоначальника генерал-майора А. А. Рейнбота²². Еще один громкий коррупционный скандал мог значительно ослабить позиции министерства и лично министра (особенно учитывая то, что петербургский градоначальник считался его креатурой). Поэтому

Столыпин сделал все, чтобы не допустить сенатского расследования. Вместо того была учреждена министерская следственная комиссия, которую возглавил член Совета министра внутренних дел, действительный статский советник Н. Ч. Зайончковский. В состав комиссии вошли также чиновник по особым поручениям при министерстве внутренних дел, статский советник барон фон дер Остен-Сакен и товарищ прокурора Санкт-Петербургского окружного суда коллежский ассессор Бусло²³.

Николай Чеславович Зайончковский никогда не работал в полиции. Большую часть своей карьеры он провел в министерстве просвещения, в течение долгого времени работал попечителем учебного округа в Прибалтике и Сибири. В то же время он был многоопытным бюрократом, поднаторевшим в ведомственных интригах. Судя по результатам работы комиссии, он получил от Столыпина четкую установку: с одной стороны, вывести из-под удара градоначальника, с другой – удовлетворить потребности общества в разоблачении и наказании замаравших себя чинов полиции. Работа комиссии продолжалась несколько месяцев. Было опрошено более 150 свидетелей, большая часть из которых по наблюдению членов комиссии была «полностью терроризирована». Свидетелей запугивали, угрожали им административным и уголовным преследованием в случае, если они не дадут показания, оправдывающие полицию²⁴. Однако несмотря на заметное противодействие со стороны градоначальства, комиссия сумела собрать значительный материал о злоупотреблениях в верхушке полиции.

Доклад Зайончковского поступил министру в декабре 1908 года. Большая его часть была посвящена поискам оправданий Драчевского. Так, комиссия просто исключила из расследования обвинения против Вендорфа, тем самым сделав невозможным расследования фактов поборов с подчиненных. Все объяснения градоначальника принимались на веру, все его незаконные шаги объяснялись советами коррумпированных подчиненных, которым он излишне доверял. В заключении комиссии Драчевский выглядел

не боевым генералом, всю службу проведшим на командных должностях в войсках и, следовательно, имевшим неплохой опыт контроля над подчиненными, а сверхнаивным человеком, не ведавшим, что творилось у него под носом. Не были проверены обвинения градоначальника в его неслужебных связях с предпринимателями с сомнительной репутацией (такими как антерпренер нескольких игорных клубов З. Жданов), в личной заинтересованности Драчевского в распространении в клубах игры в лото (притом машинки для игры в лото предписывалось приобретать только на одной фабрике в Ростове-на-Дону – в городе, в котором Драчевский возглавлял градоначальство до перевода в Петербург). В последнем случае комиссия удовлетворилась весьма сомнительными объяснениями градоначальника о том, что распространение лото было попыткой уменьшить распространение азартных игр (на самом деле лото само превратилось в азартную игру) и тем, что он, якобы, не знал, что подобные машинки выпускаются и на других фабриках, в том числе и в Петербурге и т. д.²⁵

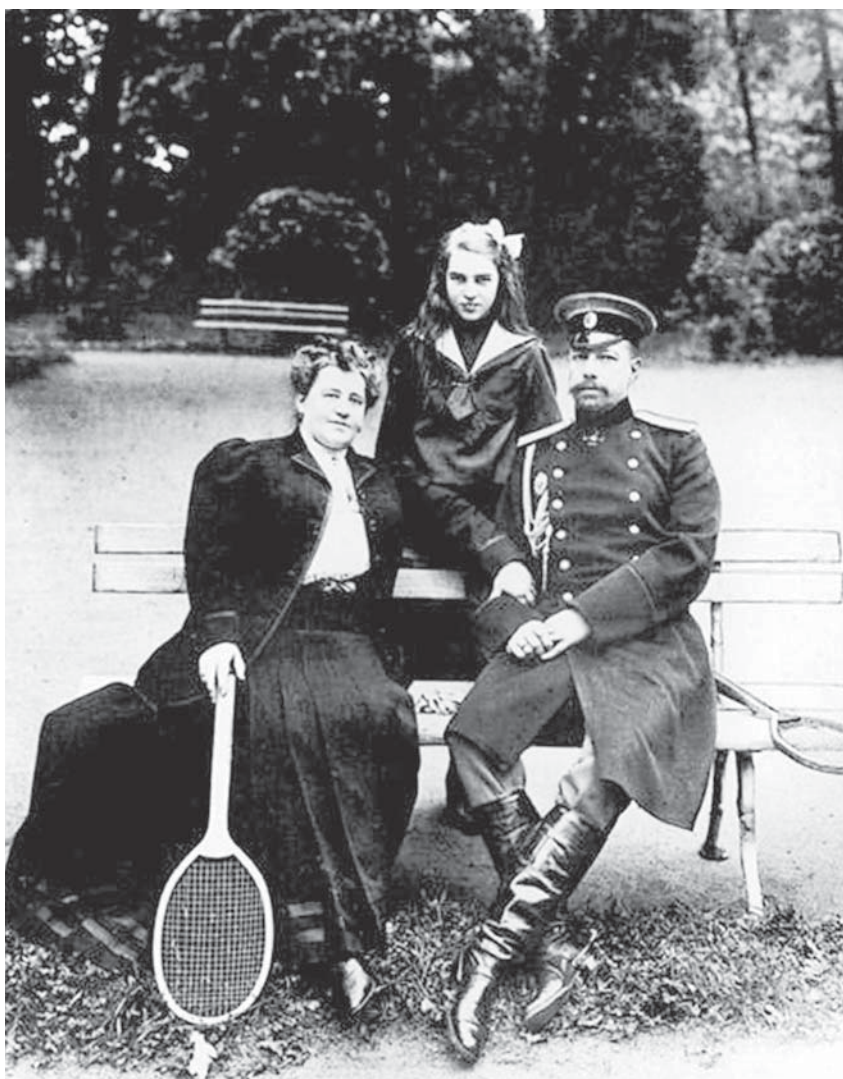
Однако, оправдав Драчевского, Зайончковский не собирался давать спуску его нечистоплотным подчиненным. По заключению комиссии в градоначальстве, по крайней мере, последние 15 лет действовала сплоченная устойчивая группа высокопоставленных полицейских служащих, использовавших свое служебное положение для личного обогащения. Тех, кто не желали играть по общим правилам, либо изгонялись со службы (благо статья 788 Устава о службе позволяла уволить государственного чиновника без объяснения причин, а статья 779 запрещала принимать к рассмотрению жалобы таких уволенных²⁶), либо, если они обладали связями и авторитетом, переводили с повышением в другие службы (как, например, чиновника по особым поручениям Васильева, переведенного в Департамент полиции²⁷). Наоборот, полицейские «своей масти» (так в отчете. – *И. Г.*) всячески поощрялись и продвигались по службе. Создателем той, говоря современным языком, «устойчивой преступной группировки» Зайончковский называл управляющего по-

Оскар Игнатьевич Вендорф, помощник градоначальник по наружной полиции

лицейской канцелярией Каскевича. А после его отставки ее возглавили новый управляющий канцелярии градоначальства Александр Николаевич Никифоров и полицмейстер IV отделения столичной полиции (Петроградская сторона) Владислав Францевич Галле.

По мнению комиссии (подтвержденному позже судебными следователями), в полицейской части, которой командовал Галле (пользовавшийся безграничным доверием трех градоначальников), была создана система организованного вымогательства. Речь уже не шла о традиционных «праздничных деньгах». Все извозчикопромышленники, трактирщики, владельцы ресторанов, клубов, гостиниц и кофеен были обязаны платить регулярную дань за право работать. Так, чтобы открыть свое заведение, нужно было уплатить приставу

Градоначальник Д. В. Драчевский с женой и дочерью

100 рублей, за то, чтобы продлить работу питейного заведения до часу ночи вместо 23.00 – 25 рублей в месяц. С представителей незаконного и полузаконного бизнеса дань бралась еще выше. Букмекеры с Коломяжского ипподрома, например, за право спокойно заниматься своей деятельностью платили 100 рублей за беговой день. Те же предприниматели, которые не желали платить вымогателям, или были не согласны с суммой наложенного на них «абиссинского налога» (одно из завуалированных названий взятки), подвергались постоянным административным преследованиям. Так, перед трактиром купца Цырина, отказавшегося платить мздоимцам, был установлен пост из 2 городских, которые обыскивали всех посетителей. Естественно, приток клиентов в то заведение прекратился, а его владелец оказался разорен. Содержательница дома терпимости Звенигородская, которая пыталась снизить сумму платы полицейским, подвергалась (в отличие от других бандерш) постоянным рейдам в свое заведение. В гостинице «Ницца» для полицейских части всегда был готов бесплатный стол и «девушки для радости». К каждому празднику в участки потоком шли корзины с бесплатными продуктами и выпивкой²⁸. Сам Галле не стеснялся запускать руку в государственный карман. Курируя строительство полицейского приюта, он вместе с подрядчиками значительно завысил стоимость работ, похитив часть отпущенных средств. Ну а когда секретарь общества попечения полицейскими приютами потребовал у Галле объяснений, то был тут же уволен²⁹.

Немало «теплых» слов в отчете комиссии было посвящено управляющему канцелярией градоначальства и столичной полиции статскому советнику Никифорову и двум его ближайшим помощникам: чиновнику по особым поручениям Прокоповичу и делопроизводителю канцелярии Калишу, в обязанности которых входили надзор за игорными клубами и проведение служебных дознаний по делам прощтрафившихся полицейских. Эта тройка создала стройную систему взимания денег с антрепренерских игорных клубов. Самые богатые клубы попадали в ведение Никифорова. При посредничестве своего

приятеля и подельника Вайнштейна, которого Никифоров пристроил в руководство Совещания по пресечению азартных игр, он получал регулярные выплаты за обеспечение беспрепятственной деятельности клубов от их владельцев. Только антрепренеры Петровского яхт-клуба выплатили за год Никифорову 20 тысяч рублей. Клубами поменьше занимался Калиш. За скромную плату в 250 рублей в месяц он своевременно предупреждал их владельцев о предстоявших проверках и полицейских облавах. Если антрепренеры клуба не «понимали правил игры», в дело вступал Прокопович. Он являлся в клуб, составлял протокол, означавший неизбежное его закрытие, а затем предлагал за 250 рублей обеспечить разрешение на возобновление его деятельности³⁰.

Если кто-то из полицейских чинов терял чувство меры, и возмущенные невыносимыми поборами обыватели писали на него заявление, в задачу Калиша и Прокоповича входило «похоронить» дело. Как это происходило на практике, можно проследить на примере бывшего чиновника по особым поручениям при градоначальнике Муре, обвиненного в вымогательстве. Дознание по тому факту было поручено Прокоповичу. После того, как он угрозами высылки добился от потерпевших и свидетелей изменения показаний, дело было прекращено, а Муре тихо вышел в отставку³¹.

Эта «теплая» компания весьма спокойно чувствовала себя и творила свои делишки при трех градоначальниках (Клейгельсе, Фуллоне и Дедюлине). Ситуация изменилась, когда пост градоначальника занял Владимир Федорович фон дер Лауниц. «Старый солдат», как он сам себя рекомендовал, Лауниц придерживался крайне реакционных взглядов, но при этом был человеком честным и неподкупным, обладавшим в отличие от предшественников безупречной репутацией. Став градоначальником, он объявил войну как либералам и революционерам, так и коррупционерам в своем ведомстве. По его указанию было начато расследование дела «Никифорова и компании». Однако после убийства Лауница и назначения градоначальником Драчевского,

дознание было прекращено, а проводившего его полковника Арутюняна перевели из градоначальства на формально более вышестоящую, но гораздо менее значимую должность полицмейстера наименее важного отделения столичной полиции³².

Какие же результаты имел доклад Зайончковского? Сам доклад, нарисовавший весьма неприглядную картину деятельности столичной полиции, был погребен в архивах МВД. Его полный текст остался неизвестным не только широкой общественности, но даже судебным властям, расследовавшим вскрытые злоупотребления³³. На основании заключения комиссии, ряд полицейских чинов Петроградской стороны – подчиненных Галле (5 приставов, 2 помощника пристава, помощник начальника полицейского резерва и командир 4-й полицейской роты) были отданы под суд. Впрочем, вынесенные им приговоры не отличались особой строгостью. Так, командир 4-й полицейской роты капитан Задорновский был приговорен к 2 месяцам арестантских рот, пристав Никитин – к 500 рублей штрафа и увольнению со службы. Притом в отношении последнего после трех апелляций дело было пересмотрено Уголовным департаментом Сената. Его решением сумма штрафа для Никитина была уменьшена до 300 рублей, а сам он был восстановлен на службе (основанием для нового приговора стало то, что почти все свидетели вдруг отказались от прежних показаний)³⁴. Петербургская пресса, сравнивая те приговоры с приговорами в несколько лет тюрьмы за мелкие взятки городовым и околоточным надзирателям, так ехидно прокомментировала ситуацию: «Да, при такой мягкости суда к мздоимцам из высших чинов полиции не скоро выведется вымогательство взяток»³⁵.

В отношении Прокоповича и Галле началось служебное расследование. Если его выводы в отношении Прокоповича автору не известны, то результаты дознания в отношении Галле весьма показательны. Проводивший его вице-директор Департамента полиции Виссарионов собрал убедительные доказательства вины Галле. Однако после того как в защиту последнего выступили Драчевский и бывшие

петербургские градоначальники генерал-адъютанты Н. В. Клейгельс и В. А. Дедюлин (занимавший в то время пост дворцового коменданта), позиция Виссарионова кардинальным образом изменилась. Он оказался «полностью удовлетворен» объяснениями Галле и закрыл дело³⁶.

Делопроизводитель градоначальства коллежский ассессор Амвросий Люций Калиш предстал перед судом Петербургской судебной палаты. Из-за того, что свидетели изменили свои прежние показания, данные на предварительном следствии, он был оправдан и уволился из полиции по болезни³⁷. Драчевский и Вендорф вообще не понесли никакого наказания. На них даже не были возложены дисциплинарные взыскания. Единственным из руководящих чинов полиции, кто заметно пострадал в результате расследования, стал управляющий канцелярии градоначальства Никифоров. Он был отстранен от должности и после трехлетнего следствия приговорен судом к 3 годам лишения свободы (посредник в получении взяток предприниматель Вайнштейн получил 2 года тюрьмы)³⁸. Впрочем, вскоре указом императора срок лишения свободы Никифорову был сокращен до 7 месяцев³⁹.

Н. Н. Жеданов, несмотря на свои многочисленные жалобы в Сенат, МВД и лично императору, так и не был восстановлен в должности и даже не получил пенсии (система не любит публичного раскрытия своих пороков). В расчет не были взяты даже «заслуги» Жеданова в годы революции 1905–1907 годов (именно в результате его дознаний была запрещена деятельность таких «подрывных организаций», как мусульманская партия «народной свободы», «союз печатников» и «союз труда»⁴⁰). Вендорф, Галле (дослужившийся до генерал-майора) и Никитин благополучно проработали в полиции на тех же должностях вплоть до февральской революции и были уволены лишь после упразднения полиции. Весной 1917 года бывший пристав Н. Н. Никитин ходатайствовал уже перед новыми властями о начислении ему пенсии за долгую, безупречную службу⁴¹. Н. Ч. Зайончковский за удачное разрешение столь сложного и дели-

катного дела не остался без награды. Вскоре после завершения расследования его ждали чин тайного советника, должность товарища прокурора Синода, а затем и сенатора.

Карьера градоначальника Драчевского сложилась менее удачно. Благополучное разрешение ситуации с комиссией Зайончковского вселило в него, вероятно, уверенность в собственной неуязвимости. Он жил на широкую ногу и явно «не по средствам». Не успел стихнуть один скандал с игорными клубами, как градоначальник оказался в центре другого. На тот раз журналисты раскопали сведения о его тесных неслужебных контактах с предпринимателем с сомнительной репутацией Захарием Ждановым. Захарий Жданов был типичным представителем скоробогатеев начала XX века. Начав как мелкий мошенник и шулер, к началу XX столетия он превратился в «потомственного почетного гражданина» и владельца банковской конторы. Впрочем, правоохранительные органы имели о респектабельности Жданова свое мнение. Сыскная полиция и судебные следователи несколько раз пытались привлечь его к уголовной ответственности за биржевые махинации и сбыт фальшивых денег, но каждый раз дела прекращались из-за вмешательства высокопоставленных покровителей Жданова⁴².

Ранее Жданов (бывший фактическим совладельцем двух игорных клубов) проходил по делу о взятках в градоначальстве как один из взяткодателей. Благодаря особенностям российского законодательства, (с 1866 года уголовная ответственность за дачу взятки без отягчающих обстоятельств была отменена) он предстал в деле не обвиняемым, а свидетелем. Во время дознания комиссии Зайончковского, и позднее во время следствия, Драчевский категорически отрицал свое знакомство с ним. Однако, как выяснили пронирливые газетчики, градоначальник не только не раз обедал за счет Жданова в ресторане «Данон», но и представил его за «благотворительность» к высочайшему награждению золотым портсигаром с бриллиантами. И это несмотря на репутацию Жданова, весьма далеко от белоснежной⁴³.

Градоначальник и в тот раз вышел сухим из воды. Однако после

убийства П. А. Столыпина он утратил политического покровителя. А противники Драчевского из «Союза русского народа» по-прежнему пользовались немалым весом при дворе. Позиции градоначальника зашатались. В конце концов, в 1914 году он вместе с редактором газеты «Ведомости градоначальства» Кривошлыковым был обвинен в хищении 150 тысяч рублей, выделенных на издание этой газеты. Драчевского уволили в отставку с исключением из свиты его величества и возбуждением уголовного дела. Следствие по нему тянулось на протяжении нескольких лет. Если высокопоставленные друзья Драчевского (включая министра юстиции Хвостова) пытались всячески развалить дело, то придворные покровители «союзников» стремились любым способом довести его до суда. Революция 1917 года разрешила эту «патовую» ситуацию, сметя с исторической сцены и первых, и вторых, и самого Драчевского⁴⁴.

Рассматривая фигуры главных персонажей, связанных с коррупционным скандалом в руководстве столичной полиции, необходимо признать, что многие из них отнюдь не были классическими «держимордами», воспетыми в произведениях Грибоедова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова. Если некоторые из них, такие как Никифоров, не вызвали симпатии своей жадностью и аморальностью (последний жил на три семьи и был фактически двоеженцем), то, изучая биографию других, видишь незаурядные способности, готовность к благородным поступкам и искреннюю преданность (на свой лад) делу правопорядка. Так, за время руководства Д. В. Драчевским Санкт-Петербургом было много сделано для благоустройства города. Была благоустроена набережная реки Охты, проведен водопровод в Волкову деревню, на Большую и Малую Охту, на Крестовский остров, открыты мост Императора Петра Великого и перестроенный Первый Садовый мост, устроена Главная электрическая станция городских трамвайных дорог, положено начало регулярному трамвайному движению в Петербурге, построены гостиница «Астория», новое здание Сытного рынка, установлены памятники экипажу миноносца

«Стрегущий» в Александровском парке и Петру I у Нового Арсенала, создан Музей Старого Петербурга, основаны мукомольный завод, Невская ниточная мануфактура, машиностроительный завод им. Я. М. Айваза и т. д.⁴⁵

Полицейстер В. Ф. Галле, прозванный своими коллегами «неистощимым придумщиком», внес немалый вклад в развитие полицейского дела в столице и в целом в России. Именно ему, совместно с О. И. Вендорфом, принадлежит заслуга создания в столице пеших полицейских рот и конно-полицейской службы, первой в империи кинологовической службы. Галле опубликовал более 20 книг и брошюр по полицейской тематике, выступил организатором системы социального обеспечения и взаимопомощи работавших и отставных полицейских, на основе борьбы джиу-джитсу разработал первый комплекс рукопашного боя для полицейских. Вместе с другим фигурантом коррупционного скандала капитаном Задорновским он изобрел прототип облегченного бронежилета – защитного панциря для полицейских⁴⁶. Капитан А. М. Задорновский, осужденный за взятки, тратил часть полученных в качестве мзды средств на закупку велосипедов и маузеров для оснащения ими полицейских своей роты⁴⁷. Пристав Никитин прославился в годы Первой русской революции своей непримиримой борьбой, как против левых, так и правых радикалов. Притом если его действия против революционеров начальство приветствовало, то за свои меры по пресечению незаконных акций черносотенцев он чуть не лишился должности⁴⁸. А. Л. Калиш был понижен в должности с чиновника по особым поручениям до делопроизводителя за отказ принимать участие в смертной казни политических осужденных. Он открыто заявил начальству, что «палачом быть не желает»⁴⁹.

И вот все эти незаурядные люди, которые в других условиях могли проявить свои лучшие качества, в условиях сформированного бытием полицейской системы Российской империи превратились в обычных мздоимцев и казнокрадов. Системная коррупция, поразившая все полицейские учреждения дореволюционной России, не оставляла

людям, пришедшим на службу в полицию, особого выбора – либо играть по принятым правилам, либо уходи. Принимая правила игры, полицейские чины постепенно и незаметно для себя перерождались. Если сначала для них личное благополучие стояло на втором месте после интересов службы, то постепенно оно выходило на первый план, а служба начинала восприниматься многими лишь как средство извлечения дополнительных доходов. Тех, кто не желал «играть по правилам», система либо перемалывала, либо изгоняла. Конечно, встречались и приятные исключения. Примером такого «исключения из правил» может служить начальник Петербургской сыскной полиции Владимир Григорьевич Филиппов. Став начальником столичного сыска после 11 лет работы в прокуратуре и сформировавшись как профессионал в недрах другой системы (судебные и прокурорские органы России второй половины XIX – начала XX века были коррумпированы гораздо слабее), он отличался, даже по признаниям своих недругов, честностью и неподкупностью⁵⁰. Таким же неподкупным он старался сделать и весь петербургский сыск. Однако даже в том элитном подразделении находились любители мзды. В частности, среди проходивших по делам о взятках в игорных клубах полицейских чинов был и заведующий летучим отрядом сыскной полиции сыскной надзиратель Околовч⁵¹. В провинциальных же сыскных отделениях дело обстояло гораздо хуже. Только за первое полугодие 1912 года за взятки, растраты, присвоения вещественных доказательств и пытки арестованных было привлечено к уголовной ответственности по России 6 начальников сыскных отделений и 12 сыскных надзирателей⁵².

Таким образом, можно констатировать, что в начале XX века коррупция стала неотъемлемой частью функционирования полицейских учреждений. Даже самое элитное полицейское управление – Санкт-Петербургская столичная полиция – оказалась поражена ею сверху до низу. Взятки стали обыденностью не только для рядовых полицейских, но и для высших чинов полиции. Попытки МВД очистить полицию

своими силами была обречена на провал. Любое ведомственное расследование о коррупции сводилось на нет сложной паутиной личных и корпоративных связей, ведомственных и групповых интересов. А нежелание привлекать к своим проблемам общественность и судебные власти делало невозможным очищение аппарата полиции извне. В результате коррупция уже сама диктовала направленность и цели полицейской работы. Ценой за это стало растущее недоверие общества к правоохранительным органам, ненависть и презрение простых граждан к полиции. Не правда ли очень похожая на сегодняшний день картина? В России начала прошлого столетия эта ситуация привела к трагическим последствиям. Вышедшая на поверхность в ходе февральских событий 1917 года ненависть к полиции вылилась в десятки убитых и раненых полицейских. Только по официальным (и крайне неполным данным) в ходе Февральской революции было убито 11 и ранено 50 полицейских⁵³. Многие из них были убиты не в ходе уличных столкновений, а были растерзаны толпой или расстреляны после ареста на своих квартирах. Ряд из них погиб мучительной смертью. Так, бывшему надзирателю сыскной полиции А. О. Гурскому, схваченному на квартире, еще живому отрубили уши и пальцы, а самого порубили шашками⁵⁴.

В марте 1917 года полиция официально прекратила свое существование. На смену ей пришла народная милиция, которую должны были составить пусть и не имевшие профессиональной подготовки, но честные и порядочные идеалисты, готовые полностью изменить облик правоохранительных органов. Однако, как вскоре оказалось, новая милиция, значительно уступая старой полиции в профессионализме, очень быстро догнала ее по степени продажности. Например, в сентябре 1917 года, только в одном из подрайонных комиссариатов (соответствует сегодняшнему отделу милиции) Московского района Петрограда за взятки и вымогательства были арестованы 8 милиционеров во главе с помощником комиссара (то есть заместителем начальника отдела)⁵⁵. Но это уже совсем другая история.

¹ См. напр.: Говоров И. В. Преступность в органах ленинградской милиции в послевоенное десятилетие и борьба с ней. // История государства и права. 2003. № 5; Жирнов Е. Столпы позора // Коммерсантъ – Деньги. 2007. № 13 (619); Он же. Милиция была способна идти на преступления // Коммерсантъ – Власть. 2009. № 18 (821); Он же. Чины полиции пользуются не совсем хорошей репутацией // Коммерсантъ – Власть. 2009. № 31 (834) и др.

² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 2. СПб., 1999. С. 164.

³ Там же. С. 164.

⁴ Полиция Российской империи. М.; СПб., 2005. С. 124.

⁵ Длуголенский Я. Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга. 1703–1917. СПб., 2001. С. 344–345.

⁶ Полиция Российской империи. М.; СПб., 2005. С. 38–40.

⁷ Там же. С. 124.

⁸ Там же. С. 125.

⁹ Там же.

¹⁰ Жуков К., Клубков Р. Петербург без мундира. М., 2008. С. 142–143; Назаренко А. М. Санкт-Петербургская столичная полиция. (1906–1913 годы): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 113; Жирнов Е. Столпы позора // Коммерсантъ – Деньги. 2007. № 13 (619).

¹¹ Голь Н. М. Первоначальствующие лица: история одного города. СПб., 2001. С. 398.

¹² Вече. 26.06.1907.

¹³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 47. Д. 141. Л. 259–263.

¹⁴ В начале XX века (до 1917 года) Петербургская столичная полиция выглядела следующим образом. Территория города делилась на полицейские участки (от 42 до 51), которые возглавляли приставы. Участки объединялись в 6 полицейских отделений, которыми руководили полицмейстеры. Также в состав столичной полиции входил полицейский резерв, пешие полицейские роты, конная полицейская стража, фабрично-заводская и портовая полиция, сыскная полиция. Руководила всей деятельностью полиции канцелярия градоначальника.

¹⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 141. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 139.

¹⁷ Там же. Л. 69.

¹⁸ Там же. Л. 68.

¹⁹ Глезеров С. Е. «Петербургские тайны» начала XX века. М., 2008. С. 63.

²⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 141. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 9.

²² Кокорев А., Руга В. Полиция. «Садиться без чинов!» // Совершенно секретно. 2004. № 9/184.

²³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 141. Л. 11–12.

²⁴ Там же. Л. 142.

²⁵ Там же. Л. 20–21.

²⁶ Там же. Л. 251.

²⁷ Там же. Л. 72.

²⁸ Константинов А. Коррупцированная Россия. М., 2008. С. 76; Лурье Л. Преступление в стиле модерн. СПб., 2005. С. 158–159.

²⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 141. Л. 7.

³⁰ Там же. Л. 24–29.

³¹ Там же. Л. 29.

³² Там же. Л. 72.

³³ Там же. Л. 125.

³⁴ Лурье Л. Указ. соч. С. 159; Судебная газета. 1911. 12 янв.

³⁵ Гроза. 1911. 12 янв.

³⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 141. Л. 64.

³⁷ Там же. Л. 215, 221.

³⁸ Там же. Л. 217.

³⁹ Там же. Л. 225.

⁴⁰ Там же. Л. 234.

⁴¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 131. Оп. 1. Д. 293. Л. 56–58.

⁴² Гроза. 1911. 11 янв.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Голь Н. М. Указ. соч. С. 401–402.

⁴⁵ Длуголенский Я. Н. Указ. соч. С. 381.

⁴⁶ Назаренко А. М. Указ. соч. С. 24.

⁴⁷ Лурье Л. Указ. соч. С. 159.

⁴⁸ Гроза. 1911. 12 янв.

⁴⁹ Вече. 1907. 26 июня.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 141. Л. 71.

⁵¹ Там же. Л. 23.

⁵² Рыжов Д. С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью. 1866–1917 гг. Самара, 2001. С. 69.

⁵³ Николаев А. Б. Государственная дума в февральской революции. Рязань, 2002. С. 177.

⁵⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 293. Л. 11.

⁵⁵ Там же Д. 284. Л. 39.

